

СРЕДНЕЕ (ПОЛНОЕ) ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

И. Н. Сухих

ЛИТЕРАТУРА

*учебник для 11 класса
(базовый уровень)*

В двух частях

Часть 2

5-е издание

Рекомендовано
Министерством образования
и науки Российской Федерации

Москва
Издательский
центр «Академия»
2012

Факультет филологии
и искусств СПбГУ
2012

УДК 82 (075.3)
ББК 74.268.3я721
С912

Сухих И. Н.

С912 Литература : учебник для 11 класса : среднее (полное) общее образование (базовый уровень) : в 2 ч. Ч. 2 / И. Н. Сухих. — 5-е изд. — М. : Издательский центр «Академия», 2012. — 368 с.

ISBN 978-5-7695-9302-4

Учебник И. Н. Сухих дает целостное культурно-историческое представление об основных этапах развития русской литературы XX в., ее главных проблемах, направлениях, именах. Главы о писателях строятся как драматические очерки, эссе. Разборы конкретных произведений отражают многообразие их проблематики и поэтики. Вопросы и задания различной степени сложности предполагают разные способы работы и серьезно расширяют культурный контекст.

Для учащихся 11 классов, изучающих предмет на базовом уровне.

УДК 82 (075.3)
ББК 74.268.3я721

Учебное издание

Сухих Игорь Николаевич

Литература

В двух частях

Часть 2

Учебник для 11 класса

(базовый уровень)

Редактор *Т. В. Козьмина*. Художественный редактор *Л. В. Жебровская*
Компьютерная верстка: *Л. А. Смирнова*
Корректоры *Е. В. Кудряшова, Н. В. Козлова*

Изд. № 105113772. Подписано в печать 21.05.2012. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 23,0.
Тираж 9 000 экз. Заказ №

Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru
125252, Москва, ул. Зорге, д. 15, корп. 1, пом. 266.

Адрес для корреспонденции: 129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1, а/я 48.
Тел.: (495) 648-05-07, факс: 616-00-29.

Санитарно-эпидемиологическое заключение № РОСС RU. АЕ51. Н 14963 от 21.12.2010.
Отпечатано в «Идел-Пресс»

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Сухих И. Н., 2009

© Образовательно-издательский
центр «Академия», 2009

© Оформление. Издательский центр
«Академия», 2009

ISBN 978-5-7695-9302-4 (Ч. 2)
ISBN 978-5-7695-9300-0

(1920—
1930-е)

СОВЕТСКИЙ ВЕК: ДВЕ РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ОДНА?

Михаил Александрович
Шолохов

Осип Эмильевич
Мандельштам

Анна Андреевна
Ахматова

Михаил Афанасьевич
Булгаков

Марина Ивановна
Цветаева

Борис Леонидович
Пастернак

Михаил Александрович

Шолохов

**(1905–
1984)**

**Вёшенский самородок:
стремя «Тихого Дона»**

«Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, — и биография готова», — говорил О. Э. Мандельштам («Шум времени», 1925). Еще сложнее обстоит дело с биографией в простонародной, крестьянской культуре, где не сохраняют писем, редко оставляют воспоминания, а своих предков знают не дальше третьего колена.

«И надо оставлять пробелы / В судьбе, а не среди бумаг», — определял Б. Л. Пастернак задачу художника («Быть знаменитым некрасиво...», 1956). Шолохов, кажется, перевыполнил ее. Многочисленные пробелы как в его судьбе (особенно в ранние годы), так и среди бумаг привели к ожесточенной полемике и возникновению шолоховского вопроса (до этого историки литературы знали лишь гомеровский и шекспировский вопросы). Автор великой — и огромной — книги оставил множество загадок в своей биографии. О нем спорят так, как будто он был современником английского драматурга (рубеж XVI — XVII вв.) или греческого эпического поэта (VIII в. до н. э.). Между тем со дня его рождения прошло чуть более ста лет.

Михаил Александрович Шолохов, согласно его официальной биографии, родился 11 (24) мая 1905 года на хуторе Кружилин станицы Вёшенской области Войска Донского.

Однако даже эта дата не общепризнанна. Год рождения писателя иногда сдвигают назад от одного до пяти лет (1904 — 1900).

Многое в биографии будущего писателя (как и поэта А. А. Фета) определила семейная тайна. Мать будущего писателя Анастасия Даниловна Черникова родила сына вне брака, до 1913 года он считался казаком и носил фамилию Кузнецов и лишь после смерти фиктивного отца был усыновлен отцом настоящим, получил фамилию Шолохов, но зато потерял право на казачий надел, потому что его отец был не казаком, а иногородним.

Александр Михайлович Шолохов приехал на Дон с Рязанщины, служил приказчиком, довольно успешно торговал (в 1917 году, в разгар революции, он купил мельницу, которую вскоре пришлось бросить), но в 1925 году умер от пьянства.

Эти драматические события (в детстве мальчика, подобно герою его раннего рассказа, дразнили «нагульным сыном» и «нахаленком») навсегда отбили у Шолохова желание рассказывать о себе даже самым близким людям. Е. Г. Левицкая, многолетний друг Шолохова (ей посвящен рассказ «Судьба человека»), заметила: «За семью замками, да еще за одним держит он свое нутро» («На родине “Тихого Дона”», 1930).

Немногочисленные автобиографии Шолохова очень кратки и противоречивы.

Самый важный, переломный этап его жизни — с революции до начала писательской работы — описан всего в нескольких строчках.

«Я в это время <революции 1917 года> учился в мужской гимназии в одном из уездных городов Воронежской губернии. В 1918 году, когда оккупационные немецкие войска подходили к этому городу, я прервал занятия и уехал домой. После этого продолжать учение не мог, так как Донская область стала ареной ожесточенной Гражданской войны. До занятия Донской области Красной Армией жил на территории белого казачьего правительства.

С 1920 года, то есть с момента окончательного установления Советской власти на юге России, я, будучи пятнадцатилетним подростком, сначала поступил учителем по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, а потом пошел на продоволь-

ственную работу и, вероятно, унаследовав от отца стремление к постоянной смене профессий, успел за шесть лет изучить изрядное количество специальностей. Работал статистиком, учителем в низшей школе, грузчиком, продовольственным инспектором, каменщиком, счетоводом, канцелярским работником, журналистом. Несколько месяцев, будучи безработным, жил на скудные средства, добытые временным трудом чернорабочего. Все время усиленно занимался самообразованием» («Автобиография», 1934).

Эти скудные факты обросли многочисленными увлекательными легендами. Опираясь на лаконичное замечание писателя в другой автобиографии («Гонялся за бандами, властвовавшими на Дону до 1922 года, и банды гонялись за нами. Все шло как положено», 1931), биографы рассказывали, что Шолохов был захвачен анархистами и знаменитый батька Махно, по одной версии, хотел его расстрелять, по другой — приглашал в свое войско. Утверждали, что пятнадцатилетний подросток (как Аркадий Гайдар) будто бы был командиром отряда в 270 человек и активным комсомольцем (хотя будущий писатель не был ни тем ни другим). Фантазировали, что он жил в одном курене (так называют на Дону дома) с известным бандитом Фоминым, который будет упомянут в «Тихом Доне». Степень участия Шолохова в исторических событиях часто пытались преувеличить, но он был — до поры до времени — их скромным свидетелем, чтобы совсем скоро превратиться в неподкупного летописца.

С осени 1922 года Шолохов уже в Москве, по-прежнему никому не известный юноша, ищущий себя и берущийся за любую работу. Он начинает занятия в литературных кружках и объединениях и пишет первые рассказы на знакомом материале Гражданской войны на Дону. Довольно быстро из публикаций в журналах сложился сборник «Донские рассказы» (1926), в дополненном виде переизданный под заглавием «Лазоревая степь».

Главной темой Шолохова уже в первых рассказах становятся ужас и жестокость Гражданской войны. Главным принципом — беспощадная правда, противостоящая выдуманной поэтичности, литературному украшательству. В основе большинства рассказов сборника — трагические конфликты, которые разрывают, разрушают семейные связи: муж убивает жену, сын идет на отца, брат — на брата.

Критики еще называют Шолохова представителем «крестьянского литературного молодняка». А в это время он совершает, быть может, один из решающих поступков, определивших его судьбу: возвращается на родину, чтобы, как потом окажется, навсегда остаться на месте действия и среди героев своей главной книги. В 1925 году двадцати-

летний автор двух десятков рассказов, за плечами которого всего четыре класса гимназии, начинает писать огромный роман о только что миновавшей эпохе. На такой труд среди современников отваживались немногие. Далее жизнь Шолохова связана только с литературным творчеством, хотя история то отрывает его от работы, то врывается в его книги.

Работа над «Тихим Доном», как признавался Шолохов, шла «запоем». Две первые книги были написаны за два с половиной года и опубликованы уже в 1928 году. Третья книга писалась гораздо медленнее: она была напечатана в 1929 — 1932 годах.

В это время в СССР началась коллективизация, «великий перелом», который А. И. Солженицын назовет «великим перешибом» хребта русского крестьянства. Шолохов отрывается от «Тихого Дона» и идет по следам современной истории, пишет роман «Поднятая целина» (1932), первоначальное заглавие которого было «С кровью и потом».

В отличие от «Тихого Дона» драматизм романа о коллективизации значительно уступал трагизму подлинных событий. Рассказывая о передовом двадцатипятилетнем Семене Давыдове, об изменениях в сознании казаков, о трудной организации колхоза и счастливой новой жизни, Шолохов видит вокруг совсем иное. Жизнь опрокидывает придуманные схемы, коллективизация и раскулачивание оказываются продолжением Гражданской войны — с насилием, голодом, смертями.

«...Я все такой же, только чуть-чуть погнутой. Я бы хотел видеть такого человека, который сохранил бы оптимизм и внимательность к себе и близким при условии, когда вокруг него сотнями мрут от голода люди, а тысячи и десятки тысяч ползают опухшие и потерявшие облик человеческий, — рассказывает Шолохов о результатах коллективизации давней знакомой. — Я мотаюсь и гляжу с превеликой жадностью. Гляжу на все. А поглядеть есть на что. Хорошее: опухший колхозник, получающий 400 гр. хлеба пополам с мякиной, выполняет дневную норму. Плохое: один из хуторов, в нем 65 хозяйств. С 1-го февраля умерло около 150 человек. По сути — хутор вымер. Мертвых не заховывают, а сваливают в погреба. Это в районе, который дал стране 2 300 000 пудов хлеба. В интересное время мы живем! До чего богатейшая эпоха!..» (письмо Е.Г.Левицкой, 30 апреля 1932).

Несколько раз в 1930-е годы Шолохов встречается со Сталиным и обращается к нему с посланиями по поводу положения дел в крестьянской России. Эти письма, как правило, остаются без ответа. В 1937 году опасность нависла над самим писателем: арестованы несколько его близких знакомых, ростовских коммунистов, уже собраны документы на него самого как члена контрреволюционной организации. Поездка (практически побег) в Москву и встреча со Сталиным помогают писателю не только избежать ареста, но и вернуть отдельных арестованных. Странные отношения с вождем, его расположение к Шолохову, который в отличие от многих не принимал активного участия в формировании культа личности, — еще одна загадка шолоховской биографии. Написанная после смерти Сталина шолоховская статья-некролог называлась «Прощай, отец!» (8 марта 1953).

Четвертую книгу «Тихого Дона» Шолохов завершает и публикует только в 1940 году. Ее трагический пафос и огромная художественная сила были признаны по обе стороны великого русского разлома, на какое-то время объединив советских и эмигрантских читателей.

В 1941 году за роман «Тихий Дон» Шолохов получает Сталинскую премию. Еще раньше (1939) он был награжден орденом Ленина, стал писателем-орденоносцем и одновременно действительным членом Академии наук СССР. «Тихий Дон» публикуется огромными тиражами, о нем высказываются многие писатели и критики — от давнего поклон-

ника Шолохова, автора «Железного потока» А. Серафимовича до А. Фадеева и А. Толстого. В специально посвященной Шолохову монографии критик канонизирует его как главного советского писателя: «В романах Шолохова ощущаешь черты и величие того нового, что будет называться советской классической литературой» (В. Гоффеншефер. «Михаил Шолохов», 1940).

Но, может быть, важнее для автора были не премии и ордена, а слезы читателей, оказавшихся по другую сторону баррикад, навсегда потерявших Тихий Дон.

«Роман М. Шолохова “Тихий Дон”» есть великое сотворение истинно русского духа и сердца... Читал я “Тихий Дон”» вздохнул, рыдал-горевал над ним и радовался — до чего же красиво и влюбленно все описано, и страдал-казнился — до чего же польногорька правда о нашем восстании. И знали бы вы, видели бы, как на чужбине казаки... зачитывались “Тихим Доном”... И многие рядовые и офицеры допытывались у меня: “Ну до чего же все точно Шолохов про восстание написал. Скажите... кем он у вас служил в штабе, энтот Шолохов”. И я, зная, что автор “Тихого Дона” в ту пору был еще отроком, отвечал полчанам: “То все... талант, такое ему от Бога дано видение человеческих сердец”, — вспоминал через много лет (1961) воевавший с Красной армией командующий повстанческими войсками на Дону П. Н. Кудинов.

Уже на первой странице романа в пейзажном описании упоминается стремя Дона. Обычно так называют середину реки, место с наибольшей глубиной и быстрым течением. После окончания романа Шолохов надолго утвердился на «стремени» литературного процесса. Путь от начинающего автора до всемирно признанного классика самородок из станицы Вёшенской проделал всего за пятнадцать лет.

**Советский писатель: бремя
великой книги**

Великая Отечественная война становится для Шолохова, как и для многих рус-

ских людей, страшным испытанием и трагедией. Полученную за «Тихий Дон» премию он передает в фонд обороны. Всю войну, как и многие писатели, он работает военным журналистом, ездит в действующую армию, публикует публицистические статьи о происходящем. В 1942 году, когда фронт подошел к его родным местам, при бомбежке

Вёшенской был разрушен шолоховский дом, погибла мать, почти полностью уничтожен архив.

Шолохов-гражданин активно участвует в войне. Шолохов-писатель испытывает явный кризис. Когда А. Твардовский создает «Василия Теркина», когда всенародно известными становятся стихи и повести К. Симонова, публицистика И. Эренбурга, когда в окопах, на полях войны зарождаются замечательные проза и поэзия военного поколения — Шолохов почти замолкает. Появляются лишь его рассказ «Наука ненависти» (1942) и главы из романа «Они сражались за Родину» (1943).

Этот третий шолоховский роман стал очередной легендой. Писатель окончил его первую книгу в 1949 году, потом неоднократно сообщал о завершении второй книги (первоначально была задумана трилогия), печатал главы из нее, роман инсценировался, экранизировался, изучался — но так и остался неоконченным.

В послевоенные десятилетия Шолохов публикует лишь рассказ «Судьба человека» (1956) и наконец-то завершает вторую книгу романа «Поднятая целина» (1959). Все остальные замыслы (проблемная повесть об освоении целины) остались нереализованными. Почти за сорок лет послевоенной жизни, находясь в неизмеримо более благоприятных, чем в юности, условиях, Шолохов написал намного меньше, чем за те два с половиной года, когда «запоем» сочинялись первые тома «Тихого Дона».

Писатель оказался заложником своей первой великой книги. Когда в 1965 году ему, третьему из русских авторов, но первому советскому писателю (Бунин на идеологическом языке эпохи был антисоветским, а Пастернак — несоветским), была присуждена Нобелевская премия, ее заслужил на самом деле не шестидесятилетний, получивший все возможные государственные знаки признания патриарх, а молодой человек, рискнувший начать работу над огромным романом о ближней истории, когда ему было чуть больше двадцати, и успевший окончить его, когда ему было еще далеко до сорока лет. В лауреатском дипломе было сказано, что премия вручается Шолохову «в знак признания художественной силы и честности, которые он проявил в своей донской эпопее об исторических фазах жизни русского народа».

Нобелевская речь Шолохова была краткой. В ней он полемически защищал реалистический метод и жанр рома-

на (в шестидесятые годы как раз много говорили о смерти реализма и конце романа) и присягал в верности советскому строю и простому человеку.

«Я горжусь тем, что эта премия присуждена писателю русскому, советскому. Я представляю здесь большой отряд писателей моей Родины. <...>

Человечество не раздроблено на сонм одиночек, индивидуумов, плавающих как бы в состоянии невесомости, подобно космонавтам, вышедшим за пределы земного притяжения. Мы живем на земле, подчиняемся земным законам, и, как говорится в Евангелии, дню нашему довлеет злоба его, его заботы и требования, его надежды на лучшее завтра. Гигантские слои населения земли движимы едиными стремлениями, живут общими интересами, в гораздо большей степени объединяющими их, нежели разъединяющими.

Это люди труда, те, кто своими руками и мозгом создает все. Я принадлежу к числу тех писателей, которые видят для себя высшую честь и высшую свободу в ничем не стесняемой возможности служить своим пером трудовому народу» (*«Живая сила реализма»*, 1965).

Загадочное и странное молчание писателя в последние десятилетия сочеталось с его активной общественной деятельностью: Шолохов много раз избирается депутатом советских органов, партийных и писательских съездов, выступает с речами, пишет газетные напутствия и поздравления, встречается с молодыми писателями, зарубежными гостями, сельскими тружениками. Еще больше времени он отводит любимым занятиям: охоте и рыбной ловле, причем его угодами является вся страна. Известие о Нобелевской премии, к примеру, застает писателя на рыбалке в Казахстане, в 300 километрах от ближайшего города, и для составления благодарственной ответной телеграммы за ним посылают специальный самолет.

Некоторые суждения позднего Шолохова кажутся изменой подлинному гуманизму, традиции «милости к падшим», которая была определяющей в «Тихом Доне». Вскоре после вручения Нобелевской премии Шолохов выступает на XXIII съезде КПСС. Незадолго перед этим съездом писатели Ю. Даниэль и А. Синявский были осуждены как уголовные преступники за публикацию своих произведений на Западе. Этот шаг советской власти вызвал активное

противодействие многих советских людей, прежде всего интеллигентов. Появилось несколько коллективных писем протеста: осужденным писателям предлагали заменить наказание на условное, перевоспитывать их, как школьников, по месту жительства и работы.

Позиция Шолохова была жестокой и непримиримой.

«Мне стыдно не за тех, кто оболгал Родину и облил грязью все самое светлое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев, — заявлял он с официальной трибуны. — И еще я думаю об одном. Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20-е годы, когда судили, не опираясь на строго ограниченные статьи Уголовного кодекса, а “руководствуясь революционным правосознанием”, ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни! А тут, видите ли, еще рассуждают о “суровости” приговора».

Казалось, что подобные речи произносит не автор «Тихого Дона», а какой-то другой человек, подозрительный, мстительный, отрицающий свободу творчества, не понимающий специфики литературы, различий между точкой зрения автора и персонажа, особенностей сатирической поэтики. На таком фоне вновь возник шолоховский вопрос, отравлявший писателю жизнь еще в двадцатые годы.

Шолоховский вопрос: истина и вера

«Проблему Шолохова» в общем виде сформулировал Пушкин в стихотворении

«Поэт» (кстати, очень любимом Шолоховым): «Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон, / В заботах суетного света / Он малодушно погружен; / Молчит его святая лира, / Душа вкушает хладный сон, / И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он» (1827). На менее поэтическом языке вопрос можно поставить так: «Где в обыкновенном человеке скрывается, прячется великий писатель?»

Шолоховский вопрос возник сразу после публикации первых томов «Тихого Дона». Уже в 1929 году появились слухи, что очень молодой и «не кончавший гимназий» провинциал — плагиатор, воспользовавшийся рукописями погибшего белого офицера. Оскорбленный Шолохов привез

в Москву чемодан черновиков романа и ранних рассказов, специальная комиссия под председательством сестры Ленина М. И. Ульяновой изучила их и опубликовала в газетах опровержение клеветы.

Однако после получения Шолоховым Нобелевской премии и на фоне многолетнего писательского молчания подозрения сформировались в гипотезу о «двух авторах», один из которых будто бы сочинил роман, а Шолохов его только отредактировал, дописал, обработал. Ее активным сторонником, между прочим, был следующий русский Нобелевский лауреат А. И. Солженицын, написавший предисловие к «антишолоховской» книге филолога И. Н. Томашевской «Стремя “Тихого Дона”» (1974) и поддержавший версию о «первоначальном авторе» — донском журналисте Ф. Д. Крюкове (1870 — 1920). «Соавторами» Шолохова или «настоящими авторами» объявлялись кроме Крюкова и еще несколько донских журналистов, и его литературный «крестный» А. С. Серафимович, написавший предисловие к «Донским рассказам», и его тесть П. Я. Громославский, и даже великий и абсолютно непохожий на Шолохова по стилистической манере А. П. Платонов — всего около десятка человек.

Строить подобные гипотезы было легко, потому что ранние рукописи писателя считались погибшими во время войны. Но в 1999 году черновики первых двух книг «Тихого Дона», много лет тайно хранившиеся в семье погибшего на войне шолоховского друга, стали доступны. Вопрос об авторе «Тихого Дона», кажется, был окончательно закрыт.

Однако даже 673 страницы, написанные забытой уже перьевой ручкой и простым карандашом, не убедили некоторых скептиков. Тех, кому хочется найти для великого романа любого другого автора, но только не Шолохова, убедить вряд ли возможно. Ф. Энгельс когда-то утверждал, что если бы в арифметику вмешивались человеческие эмоции, мало кто согласился бы признать, что дважды два — четыре.

Шолоховский вопрос сегодня — вопрос не истины, а веры.

Один из близких друзей писателя сын Е. А. Левицкой в спорах о романе напомнил главное: «Шолохов дал людям “Тихий Дон”. И даже если он больше ничего бы не написал, он свой долг перед человечеством выполнил».

основные даты жизни и творчества

- 1905, 11(24) мая** — родился на хуторе Кружилине станицы Вёшенской области Войска Донского (ныне — Шолоховский район Ростовской области).
- 1914—1918** — учился в мужских гимназиях Москвы, г. Богучара и станицы Вёшенской (вышел из 5-го класса).
- 1922—1923** — жизнь в Москве, начало литературной деятельности.
- 1925** — начало работы над романом «Тихий Дон».
- 1926** — публикация сборников «Донские рассказы» и «Лазоревая степь».
- 1928** — опубликованы первая и вторая книги романа «Тихий Дон».
- 1932** — Шолохов вступает в коммунистическую партию; публикация третьей книги романа «Тихий Дон» и первой книги романа «Поднятая целина».
- 1940** — публикация четвертой книги «Тихого Дона», завершение работы над романом.
- 1959** — завершение работы над второй книгой романа «Поднятая целина».
- 1965** — Шолохову присуждена Нобелевская премия.
- 1984, 21 февраля** — умер в станице Вёшенской.

«Тихий Дон» (1925 — 1940)

Казацкий эпос:
между Толстым и Гомером

«Тихий Дон» — самая длинная книга среди классических русских романов XX века.

В ней четыре тома, восемь частей, больше семисот персонажей, около полутора тысяч страниц. По объему и охвату событий — это почти точная копия «Войны и мира» (в 1928 году на родине писателя отрывок из первой книги ро-

мана публиковался под редакционным заглавием «Казачья “Война и мир”»).

Сопоставление с толстовским произведением неслучайно. Уже первые критики увидели у Шолохова не только современную социальную проблематику, но и ориентацию на жанровую схему Толстого.

«Замысел “Тихого Дона” — показать социальные сдвиги в среде крестьянства, в данном случае казачества и преимущественно середняков, в результате войны и революции. Но замысел этот не ограничивается рамками индивидуальных сдвигов, или шире — сдвигов в пределах одной семьи. Он расширяется до социального разреза целой эпохи и вкладывается в жанр *романа-эпопеи*» (А. П. Селивановский. «Тихий Дон», 1929).

Жанровое определение «Тихого Дона» как *романа-эпопеи* стало общепризнанным (во французской литературе есть аналогичное метафорическое определение *роман-река*).

Л. Н. Толстой, в свою очередь, создавая новый жанр, обозначал далекий жанровый ориентир. «Без ложной скромности — это как Илиада», — скажет он в конце жизни (М. Горький. «Лев Толстой», 1923).

Однако роман-эпопея «Гомера русской “Илиады”» (А. Ф. Кони), естественно, не похож на гомеровскую поэму-эпопею. Толстой вносит в свой эпос подробный психологический анализ и философскую проблематику девятнадцатого века. Шолохов в этом смысле делает шаг назад, в прошлое, от Гомера русского к Гомеру греческому.

«Тихий Дон» отличается от «Войны и мира» отсутствием четкой социальной вертикали (выходы на вершины власти, к своим Александрам и Багратионам, у Шолохова эпизодичны), диалектики души (ее заменяют живописный показ героев и суммарный психологизм, диалектика поведения), философии истории (дело ограничивается идеологическими формулами эпохи и краткими сентенциями повествователя). Это эпос не интеллектуальный, а *низовой, почвенный, наивный*.

Внешне композиционная структура романа уравновешенна, почти симметрична: четыре книги, восемь частей, которые, так же как у Толстого, делятся на четкие главки-эпизоды. Но эта гармоничность обманчива. Три части первого тома (главы 21, 23 и 24) сменяются двумя частями

книги второй (части 4 — 5: главы 21 и 31). Третья книга, вообще, написана одним куском, состоит из одной части (часть 6: 65 глав). В четвертой книге снова появляется двучастное деление (части 7 — 8: главы 29 и 18). Столь же непропорциональна, негармонична и структура отдельных глав. Некоторые занимают одну-две страницы и являются чисто информативными, другие, наоборот, весьма пространны и содержат несколько разноплановых эпизодов.

Также обстоит дело и с другими уровнями и элементами шолоховского произведения. Композиционную стройность и стилистический блеск нужно искать не в «Тихом Доне», а в других местах. Это циклопическое сооружение сложено из неотшлифованных, необтесанных блоков.

Литература модернизма, как мы помним, часто строилась на эстетском, технологическом подходе: писатель становился собственным критиком и стремился отшлифовать произведение до блеска, рассчитать стилистический эффект каждого тропа, каждого слова. Автор не думал о читателе, а выполнял поставленную художественную задачу.

Шолохов учитывает некоторые модернистские стилистические приемы, оригинально использует диалектную лексику и тропы, но все-таки опирается на иные, более глубокие художественные принципы. В эссе «Суеверная этика читателя» (1932), написанном как раз в годы работы Шолохова над «Тихим Доном», аргентинский писатель-модернист Х. Л. Борхес (1899 — 1986) представил два противоположных способа создания художественного произведения, две писательские стратегии.

«Нищета современной словесности, ее неспособность по-настоящему увлекать породили суеверный подход к стилю, своего рода псевдочтение с его пристрастием к частностям... Но прочтите два-три абзаца из «Дон Кихота» — и вы почувствуете: Сервантес не был стилистом (по крайней мере, в нынешнем, слухоуслаждающем, смысле слова). Судьбы Дон Кихота и Санчо слишком занимали автора, чтобы он позволил себе роскошь заслушиваться собственным голосом».

Современной «тщеславной жажде стиля», «опустошительной жажде совершенства» Борхес противопоставляет старый «содержательный» принцип: «Писателя ведет из-

бранная тема». Автора «Тихого Дона» тоже ведет избранная тема. Правда, она далеко не сразу прояснилась, далась Шолохову в руки.

Из скудных автобиографических признаний известно, что книга начиналась с революционных событий.

«В 1925 г. осенью стал было писать “Тихий Дон”, но после того, как написал 3 — 4 печатных листа (около 60 книжных страниц. — И.С.), — бросил. Показалось — не под силу. Начинать первоначально с 1917 г., с похода на Петроград генерала Корнилова. Через год взялся снова и, отступив, решил показать довоенное казачество» («Автобиография», 1932).

В итоге эти главы затерялись во втором томе. Генерал Корнилов и другие реальные исторические фигуры (белый генерал Краснов, красный казак Подтелков) оказались проходными, эпизодическими персонажами. Отступив назад, в 1912 год (столетие той войны, которую сделал предметом своей эпопеи Л. Н. Толстой), автор в то же время резко сузил поначалу горизонт повествования.

«Тихий Дон» начинается как **семейная сага**. Прологом романа становится история рода Мелеховых. С Русско-турецкой войны (речь идет о Крымской войне 1854 — 1855 годов, участником которой был Л. Н. Толстой, описавший ее в «Севастопольских рассказах») Прокофий Мелехов привозит на хутор жену-турчанку, защищая ее, убивает соседа хуторянина, попадает на каторгу, возвращается только через двенадцать лет к преждевременно родившемуся, выросшему без отца сыну.

«Пантелей рос исчерна-смуглым, бедовым. Схож был на мать лицом и подбористой фигурой. Женил его Прокофий на казачке — дочери соседа. С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей. Отсюда и повелись в хуторе горбоносые, диковато-красивые казаки Мелеховы, а по-уличному — Турки» (кн. 1, ч. 1, гл. 1).

Бытовые *детали* первой экспозиционной главы в развитии повествования становятся важными *мотивами*, приобретают *символический смысл*: мелеховский двор — на самом краю хутора; любовь Прокофия удивительна, непонятна для хуторян («Ребятишки, пасшие за прогоном телят, рассказывали, будто видели они, как Прокофий вечерами, когда вянут зори, на руках носил жену до Татарского, ажник, кургана»); потом герой совершает *убий-*

ство, которое сопровождается рождением ребенка и смертью матери.

Любовь, рождение, естественная и насильственная смерти сплетаются в тугой узел человеческого существования на самом краю, где действуют скорее не исторические, а легендарные, мифологические законы.

Потом все успокаивается, страсти уходят в глубину, младший сын, «звероватый» Григорий, до поры до времени ничем не выделяется из казачьей среды и станичного быта. Драматическая семейная сага превращается в *казачий эпос* (многие земляки Шолохова, особенно эмигранты, читали роман прежде всего как хронику любимого, но навеки утраченного казачьего быта).

Люди ловят рыбу, пашут землю, косят сено, скачут на лошадях, охотятся на волка (как в «Войне и мире»), едут в лес за хворостом, поют на гулянках. Другие люди спорят о Толстом или читают Евангелие. Среди них есть богатые и бедные, есть хуторская интеллигенция. Откуда-то на хуторе появляется большевик Штокман и начинает пропагандировать среди казаков. Какой-то бледной тенью проходят воспоминания о пятом годе. Но события прошлого и настоящего не ломают сложившегося порядка вещей.

Поначалу мир «Тихого Дона», как и положено в эпосе, сделан из одного куска, подчиняется природным закономерностям, измеряется не историческими датами, а временами года и религиозными праздниками, более широко — неизбежной сменой поколений.

«Стекали неторопливые годы. Старое, как водится, старилось; молодое росло зелеными» (кн. 1, ч. 2, гл. 1).

«А над хутором шли дни, сплетаясь с ночами, текли недели, ползли месяцы, дул ветер, на погоду гудела гора, и, застекленный осенней прозрачно-зеленой лазурью, равнодушно шел к морю Дон» (кн. 1, ч. 2, гл. 3).

Сагами

назывались родовые повествования в древнеисландской литературе; В. И. Даль в своем толковом словаре дает такие синонимы этого слова: дума, сказанье, былина.